ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА И ССЫЛКА“

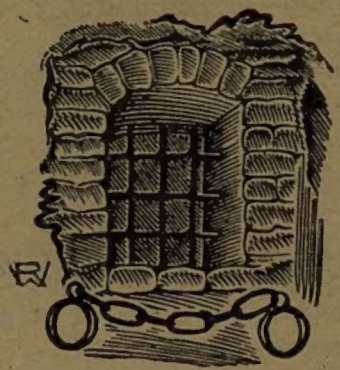
ГЕ160
Ф585

В. Н. ФИГНЕР

ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

ФРОЛЕНКО



№ 11

МОСКВА
1926

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 г. на

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

52 номера в год (каждый номер размером 32 стр.).

В 1926 г. „Дешевая Библиотека" будет выходить в увеличенном размере: каждый номер по 32 стр., что составит в год свыше 1600 страниц.

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения, биографии революционных деятелей, а также репрессивной политики самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

ВЫШЛИ:

1—2. **Феликс Кон**—„Пролетариат". С 26 портрет. 30 к.
3. **Викторовский**—А. И. Ульянов . . . . . 10 к.
4. **Г. Лурье**—А. А. Костюшко-Валюжанич . . 10 к.
5. **Первое мая в тюрьме и ссылке.** Сб. воспомин. 10 к.
6. **Г. Г. Сушкин**—Маевки прошлого. Воспомин. о маевках 1901 и 1902 г. г. . 10 к.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—52 номера—4 р. 50 к.
„ 1/2 года—26 номеров—2 р. 50 к.
} с доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.

Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

Вера Николаевна Фигнер
(1924 г.)

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 11

В. Н. ФИГНЕР

ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ФРОЛЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1926

К.
ГЕ160
ф585,

КНИЖНАЯ ФАБРИКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА
НАРОДОВ СССР
МОСКВА, ШЛЮЗОВАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ, 162

ТИРАЖ 15.000
ГЛАВЛИТ 67.086.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
66616.У

Михаил Федорович Фроленко вышел из бедной семьи, видевшей много нужды и горя. Когда в Шлиссельбурге он писал свою семейную хронику, то дал ей название: «Семейство Горевых», намекая этим на горькую жизнь своих родных. Его отец был отставным фельдфебелем и служил смотрителем каменноугольных копей в Кубанской области, в 10 верстах от небольшого укрепления Хумара, а мать, рано оставшись вдовой, билась вместе с дочерью всю жизнь из-за куска хлеба и умерла в богадельне, к великому огорчению сына, бессильного помочь ей в стенах Шлиссельбургской крепости. Тщетно просил он департамент полиции разрешить ему посылать матери тот небольшой заработок, который он мог сколотить физическим трудом в тюрьме. В этом ему было отказано, но сам департамент решил послать ей из казенных денег 50 рублей; однако, вскоре известил, что тифлисская полиция возвратила деньги обратно, так как измученная старуха уже умерла.

Эта гордая, любившая независимость женщина, всегда жившая своим трудом, никогда никому не обязывавшаяся и ненавидевшая современные формы филантропии, умерла униженная, как раз в одном из ненавистных ей учреждений, заставив преданного ей сына страдать невыразимо.

На грошевые деньги, которые мать с трудом собирала поденщиной и швейной работой, Михаил Федорович учился сначала в жандармских казармах у писаря (в Ставрополе Кавказском, где он и родился), а потом—у отставного чиновника, забулдыги и пьяницы, обремененного громадной семьей и с трудом прокармливающего себя и детей рублевыми взносами, которые его ученики делали ежемесячно. Инспектор училища, при посещении этой частной школы, обратил внимание на мальчика и принял его в уездное училище, где тот пробыл 5 лет. Учился Михаил Федорович хорошо. В последний год на экзамене по географии он возбудил интерес в самом губернаторе, присутствовавшем при этом. Из всех учеников он один хорошо рисовал географические карты. К ужасу учителя, его превосходительство задал нарисовать Волгу, чего ученики по курсу не проходили. Но Михаил Федорович вышел с честью из этого искуса. Губернатор ласково расспросил его и, узнав, что по бедности он не может поступить в гимназию, сказал: «Приходи ко мне, я устрою это».

Осенью, с детской доверчивостью, мальчик отправился во дворец к губернатору, который, как следовало ожидать, и не подумал вспомнить о нем: его просто не приняли там. Однако, с помощью добрых людей, Михаил Федорович все же поступил в Ставропольскую гимназию и в свое время кончил ее. Вместе с однокурсниками, такими же бедняками, он добрался до Петербурга с тем, чтобы поступить в Константиновское военное училище. Но это не удалось, и после многих мытарств по разным высшим учебным заведениям он поступил, наконец, в Технологический институт. Это было в 1871 году, в год процесса нечаевцев (Успенский, Ткачев, Кузнецов, Прыжов и др.). Михаил Федорович живо помнит интерес, с которым учащаяся молодежь относилась к этому громкому делу. Вместе с другими студентами он старался проникнуть на заседание суда, но это не удалось.

Определенного плана насчет будущего у него тогда еще не было, и на следующий год он переехал в Москву и поступил в Петровско-Разумовскую земледельческую академию, где еще была свежа память об убийстве Иванова [1]); молодежь этого заведения, при поступлении, первым делом отыскивала место трагического происшествия, тот грот, где совершено было это печальное дело.

---

[1]) Студент Иванов был убит в 1869 г. Нечаевым и др. по подозрению в измене.

В Петровско-Разумовском Фроленко жил уро́ками и получал маленькую стипендию, воспоминание о которой, как о бесполезной трате общественных денег, тяготила его чуткую душу даже в стенах Шлиссельбурга, так как студентом, в тесном смысле слова, М. Ф. был, по правде сказать, плохим и занимался больше сходками, студенческими делами, чтением и дебатами. Его материальное положение было из рук вон плохо. По временам случалось буквально голодать, и в Шлиссельбурге он чрезвычайно мило рассказывал, как в один, весьма критический в этом отношении, день, перебрав все ресурсы и источники займов и денежных оборотов, он решил, что ему ничего не остается, как только искать чего-нибудь на улице. «Я был уверен,—говорил он,—что в таком большом городе, как Москва, ежедневно происходят потери, и не может быть, чтобы в этот день кто-нибудь чего-нибудь не потерял». С этой уверенностью он пошел бродить по улицам, упорно глядя себе под ноги и ища глазами по земле. Он исколесил таким образом много улиц и переулков. Все поиски были напрасны. Но вот он видит небольшой буроватый комочек... поднимает, развертывает... и, о радость! оказывается, что это две смятые рублевые бумажки. Нечего и говорить, что в этот вечер на столе его чердака были хлеб и колбаса, чай и сахар.

Среди этого полуголодного существования, подрывавшего силы молодого организма, одна мысль тревожила и занимала М. Ф.: Как надо жить? Что должен человек делать? И так как жить для себя невозможно, то какого рода пользу приносить обществу? Как служить народу?

Вместе с другим петровцем, Аносовым, состоявшим в московском кружке чайковцев, он начал первые практические шаги на почве альтруистической деятельности. Они подобрали молодых рабочих и стали обучать их грамоте, арифметике и другим предметам в размере низшей школы. Но идеалом обучаемых юношей было занятие торговлей, и меркантильные инстинкты этих учеников внушали отвращение бескорыстным подвижникам-учителям.

Бросив эту затею, весной и летом 1874 г. Михаил Федорович совершил вместе с тем же Аносовым путешествие на Урал, с наивно-простодушной верой найти там квинт-эссенцию русского революционного духа. Носителями его предполагались «беглые» из Сибири и сектанты — «бегуны». По представлению путешественников, Урал должен был кишеть этими бунтарями и протестантами против существующего строя, и социалистам-пропагандистам стоило лишь войти с ними в соприкосновение, чтобы без особенного труда завербовать эти энергичные элементы в ре-

волюционную армию. Совершив большое путешествие на пароходе, но большей частью пешком, неопытные, неумелые и всегда голодные, переодетые в крестьянское платье, путники основались кое-как на одном плохоньком заводе и, потеряв месяца три, возвратились восвояси, не видав в глаза ни одного сектанта, ни одного беглого.

По прибытии в Москву оказалось, что М. Ф. должен сделаться нелегальным, потому что там, до ухода в Пермскую губ., на его имя была открыта столярная мастерская, где интеллигенты обучались ремеслу. Один юноша, посланец Войнаральского, скомпрометировал этот адрес, а в то время малейшее подозрение, пустая записка или оговор были достаточны, чтобы поплатиться несколькими годами предварительного заключения. Нежелание ни за что, ни про что сесть в тюрьму раз навсегда оторвало М. Ф. от всех уз и благ легального и буржуазного существования. Во время «процесса 193-х» он числился привлеченным, но не разысканным. Так с 1874 года он жил жизнью революционной богемы, без постоянного имени и пристанища, среди ряда странных превращений и чудесных приключений, герой и бродяга, не знающий кем и чем он будет завтра, где и как кончит свое сегодня. Долго не попадая в руки искавшей его полиции, он вел это фантастическое и беспокойное существование до 17 марта

1881 г., когда был схвачен в Петербурге близь квартиры Кибальчича, где была устроена западня. За этот период, с 1874—81 г. г., его жизнь полна скитаний и героических дел. Необычайная искренность, простота и отвращение к фразе и к теории были его характерными чертами за этот период. Он не любил говорить и относился с нескрываемым пренебрежением ко всяким отвлеченным спорам и разглагольствиям. Если бы в организации такого взгляда придерживались все—это было бы большое зло: революционная партия должна иметь своих теоретиков и ораторов, которые не только умеют, но и любят поговорить. Но если бы она состояла исключительно из последних — дело было бы еще хуже.

Рассудительный и хладнокровный, человек практики, каким он был, Фроленко имел громадный вес в организации. Ни одно серьезное дело не обходилось без того, чтобы «Михайло», как его звали товарищи, не был призван для совета или участия. Психология революционера еще ждет своего исследователя и художника, но великое «искание» души, не укладывающейся в нормы существующего, есть одна из характернейших черт этой психологии. Просматривая жизнь Михаила Федоровича, как нельзя более, убеждаешься в этом. На свободе — он искал путей и средств, как перестроить жизнь и переделать самих лю-

дей. Сначала студент-технолог, студент-агроном, затем член кружка чайковцев, учитель-пропагандист, потом на юге, вместе с Дебагорием-Мокриевичем и М. Ковалевской, бунтарь, прислушивающийся к народному брожению, чтобы поднять массовое восстание; позднее — участник Липецкого и Воронежского с'ездов, член партии «Народная Воля» и член «Исполнительного Комитета»... Что это, как не дух мятежника, который смотрит на жизнь, как на здание, в котором тесно жить и которое, так или иначе, надо перестроить? В той или иной фазе своей пестрой карьеры он всегда был подобен человеку, который ходит в темном русском царстве, словно в подземельи, и тяжелым молотом нащупывает слабое место: «Сезам, отворись! Свет и Свобода придите!»

Простой, необыкновенно скромный, без всякой мишуры и блеска, он принадлежит к людям, которые ничего не теряют от того, что стоишь к ним близко. Напротив, чем больше узнаешь его, тем больше любишь. Если героизм состоит в том, чтобы становиться в положение огромного риска, хладнокровно и отважно совершать самые опасные дела, относясь при том к совершению их, как к самому обыденному поступку, то Фроленко, несомненно, истинный герой. Освобождение в 1877 г. В. Костюрина («Алеша Попович») из тюрьмы в Одессе, еще более чудесное освобождение в 1878 г.

трех товарищей из Киевской тюрьмы (Стефановича, Бохановского и Дейча) — эти дела, осуществленные единоличными силами, с громадным риском для себя и без малейшего риска чужой жизнью, не могут не внушать восхищения к их исполнителю и навсегда останутся одною из самых блестящих страниц нашей революционной истории. В Херсонском банке, бескровно, через подкоп добывающий средства на дело революции; в железнодорожной сторожке на 10-й версте под Одессой карауляющий царский поезд; роющий минную галлерею на Малой Садовой, а потом, 1-го марта, стоящий (в магазине сыров Кобозева) наготове, чтоб сомкнуть электоры и взорвать Александра II-го, если он поедет мимо — он везде один и тот же: основательный, невозмутимый, самоотверженный и спокойный.[1])

Осужденный в феврале 1882 г. по процессу 20-ти народовольцев, он, вместо казни, был заключен сначала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а потом в 1884 г. перевезен в Шлиссельбург.

Более, чем кто-нибудь, испытал он на себе страшные последствия заключения в этих казематах. Он страдал цынгою, ревматизмом и чем-то вроде остеомиэлита, так что долгое время не вла-

[1]) Взрыв мины из магазина сыров должен был сделать Фроленко. См. I ч. „Запечатленного Труда" гл. о 1-м марте 1881 г.

дел рукой и был совершенно глух, и, кажется, ни одна система органов не осталась у него не пораженной каким-нибудь недугом.

В тюрьме его ум усиленно работал, и насколько в жизни он был практиком, презиравшим всякую отвлеченность, настолько же в заключении стал метафизиком. Он пересмотрел все свои убеждения, начиная с религиозных. Вопрос о бытии личного бога долго занимал его, тем более, что первым товарищем его по прогулке (в Шлиссельбурге) был Исаев, в тюрьме уверовавший в милосердного бога и страстно прильнувший к религии, утешавшей его в скорбях. Преодолев, наконец, свои сомнения, М. Ф. с сожалением говорил потом, что бог безличный, бог отвлеченный, бог в смысле идей истины и добра, мировой души и т. п. — не дает ему удовлетворения, что он хотел бы бога, как его рисуют наивные иконописцы деревенских храмов: бога в виде седого, как лунь, старца, сидящего на облаках и благосклонно взирающего оттуда на весь мир . . .

В области экономики он подверг критике теорию трудовой стоимости Маркса и стал ее противником в духе Бем-Баверка, как потом оказалось. В области политики, забывая за тюремными стенами жизнь, как она есть, с ее вынужденной кровавой борьбой и невозможностью широкой культурной деятельности в рамках полицейского государства,

он все время мечтал о школах и народных университетах, библиотеках и артелях . . .

Даже сама наука не избежала его анализа. Вопреки Ньютону и всем ученым, он трактовал силу тяжести на свой особый лад, и сам Дарвин не остался в его глазах незыблемым авторитетом, так как в дружеских беседах он развивал какую-то свою собственную теорию происхождения организмов на земле. Вообще, худо ли, хорошо ли, но Фроленко ни в каких своих взглядах не подчиняется существующим учениям и теориям, прививаемых нам с детства и в юности в средней и высшей школах, и ко всем явлениям относится своеобразно и не по шаблону. Спорить с ним в этих областях невозможно, но нельзя отрицать, что в мире, где все приглажено и подчищено, где все похожи друг на друга, такой человек имеет своеобразную привлекательность: он решительно не похож на других, и на всем белом свете есть только один, а не несколько Фроленко . . . Другого подобного нет. . .

В 1904 г. М. Ю. Ашенбреннер, ближайший друг его, с которым последние годы в Шлиссельбурге он коротал время на прогулке в бесконечных беседах или чтении вслух, вздумал просветить его насчет философии. Сам великий любитель и даже знаток ее, Ашенбреннер прежде всего хотел убедить друга в необходимости и полезности философии. Он прочел ему целый ряд лекций, где

были Спиноза, Кант и Гегель, Вундт и Риль . . . Михаил Федорович слушал терпеливо и внимательно, воспринимал с небольшими возражениями всевозможные философемы. Ашенбреннер был в восторге и на стороне хвалился своими успехами. Наконец, курс кончился и философские трактаты были сложены на полку.

Каково же было негодование учителя, когда, дня три спустя после этого, ученик поднял форменный бунт: он заявил, что существование философии, как отдельной дисциплины, бесцельно, бесполезно и нелепо; что она ничего не дает, ничему не учит и не помогает, и что, в конце концов, всех философов, от Канта и до Риля, он посылает к чорту! Учитель был оскорблен в своих лучших чувствах.

Дружба осталась однако нерушимой.

Родившись на Кавказе, Михаил Федорович страстно любит юг с его теплом и солнцем. Тоска по солнцу, которого в тюрьме так мало, проходит красной нитью в его тюремных настроениях.

В этом отношении характерно стихотворение, составленное им в уме в Алексеевском равелине и записанное только в 1887 г., когда в Шлиссельбурге дали письменные принадлежности.

По форме это, быть может, и не настоящие стихи, но всякий, у кого есть душа, я думаю, будет тронут без'искусственными нотами тоски, которая звучит в них.

В камере грязной, сырой и холодной
Летом хоть солнце порой веселит:
Греет приветливо,
Светит так весело,
С лаской в окошко глядит:

Греясь в окошке и сидя на солнышке,
Меньше тоскует бедняга: душа
Холода, сырости больше не слышит . .
Время скорее бежит . . .

В осень ненастную, в зиму холодную
Прячется солнышко. . . Где-то оно? . .
Холода лютого, дня ли короткого
Точно боится оно.

Дни—время малое — кажутся годами,
Долгими, длинными, тянутся скучные. . .
Бродит бедняга по камере сумрачной . . .
Мается, руки скрестивши свои . . .
Всюду так сыро . . . так холодно. . .
Даже желания выйти на волюшку
Меньше, как будто, в те дни . . .
Нету порывов, нету стремления —
Замерли вдруг все они . . .

Но вот в окошко опять заглянул
Солнца весеннего свет . . .
Радостно встретили, было, его!
День лишь короткий оно прогостило —
Спряталось в тучи опять.

Но уж оттаяли стекла замерзшие,
В камере стало светлей . . .

Зато на душе потемнело,
Стало несносней, скучней!
Стали являться желанья невольные,
Стала томиться душа,
Стала проситься на волюшку вольную,—
Выйти скорее туда,
Где много воздуха, белого света,
Жизни привольной, труда . . .
Много работы, но много и радостей,
Много заботы, — да все ж не тюрьма!

Отличаясь с виду, пожалуй, хохлацкой флегматичностью, М. Ф. обладает натурой чрезвычайно деятельной. Полная праздность в первые годы заключения была для него крайне тягостна. Потом, когда устроили огороды и завели мастерские, он стал усердно работать и прошел целый цикл увлечений. Первым было огородничество, в котором он хотел применять самые интенсивные способы обработки. Множество анекдотов ходило о его опытах в этой сфере; тут фигурировали: сахар, лимон и даже зубной порошок, испытываемые в качестве удобрительных туков. Стесненный в размерах землевладения, он, не меньше коренного русского крестьянина, вздыхал о том, где бы раздобыть землицы. И мало-по-малу, вместе с М. Р. По-

новым, отвоевал у тюремного начальства сначала так называемый «большой» двор перед старой тюрьмой, а потом и «малый» за нею. Истощив все огородные затеи и доведя овощи до возможного совершенства, М. Ф. подошел к плодоводству. Он работал в столярной, как вол, чтобы сколотить капиталец рублей в десять для покупки ягодных кустов и фруктовых деревьев. Многочисленные яблоки, красовавшиеся в пределах Шлиссельбургской тюремной ограды и разбросанные всюду, где было возможно их сунуть, были посажены, главным образом, его руками. Нельзя было доставить ему большего удовольствия, как обещать: «Фрол! Я тебе дам местечко для яблони»; и невозможно было огорчить сильнее, сломав как-нибудь нечаянно веточку одной из его любимиц . . . Когда, однажды, такая беда стряслась со мной, то я решилась пред'явить несчастную ветку и покаяться не иначе, как вырвав предварительно обещание не гневаться. Его труды и заботливость увенчались успехом: его суслейпер, «император Александр III», апорт, антоновка и шпалерные яблони плодоносили прекрасно и были источником многих мелких радостей, как для самого садовода, так и для его товарищей, любовавшихся осенью на деревья, чрезвычайно красиво, словно рождественская елка, разукрашенные крупными румяными плодами, число которых в урожайный год доходило до 1.200.

Всего трогательнее было то, что целью насаждения были, собственно, не яблоки, а мысль, что товарищи, которые явятся в Шлиссельбург после нас, найдут не бесплодный пустырь, песок и камень, которые мы нашли при поступлении в крепость, а прекрасно обработанную землю, деревья и плоды.

Весной, когда яблони и вишни стояли в полном цвету, Фроленко приглашал товарищей посетить его огород, чтоб взглянуть на белоснежный убор их.

Стоя перед деревом, с блаженной улыбкой на лице, он указывал на это изящное подобие подвенечных цветов и говорил: «Настоящая невеста».

Даже бесплодная вишня, капризно требовавшая побольше солнечного света и из года в год обманывавшая общие надежды, под конец смилостивилась и в 1904 году дала 16 штук вишен, которые после забот об их сохранности (предлагали даже сшить мешечки из марли, чтобы предохранить от птиц), были по-братски разделены между всем товариществом.

Третьим и последним увлечением М. Ф. было куроводство, которое началось с бессонных, тревожных ночей над инкубатором (работы М. В. Новорусского), а закончилось катастрофой, сопровождавшейся смертью одной курицы и вынужденной

аукционной распродажей жандармами всех остальных.

Простота и доброта делали М. Ф. одним из любимейших товарищей, как на свободе, так и в заточении. Как общественный деятель и высоконравственная личность, он всегда имел самую большую ценность в революционном мире в глазах всех, кто его знал, и память о нем запечатлеется, конечно, в умах всех, кто будет знать его жизнь, его дела и заточение.

Один товарищ как-то выразился о нем: «Это — алмаз, не получивший полировки» . . . И это правда, Фроленко, действительно, алмаз.

В 1905 году, когда М. Ф. из Шлиссельбурга был привезен в Петропавловскую крепость, он не имел ни матери, которая умерла в богадельне, ни жены, скончавшейся на каторге в Сибири, ни ближайших родственников, которые, по дальности расстояния и отсутствию средств, не могли приехать в Петербург. Но с великой лаской и любовью к нему немедленно на помощь пришла Вера Дмитриевна Лебедева, невестка его жены, Татьяны Ивановны Лебедевой. Отзывчивая и энергичная, Вера Дмитриевна была в свое время близка московскому кружку чайковцев и дружила со многими петербургскими членами той же организации: Клеменцем, Кравчинским, с Александрой Ивановной Мороз и др., поддерживая сношения с ними целые

десятилетия. Добившись свидания с М. Ф., Вера Дмитриевна принялась усердно хлопотать у тогдашнего министра внутренних дел П. Н. Дурново об отдаче М. Ф. ей на поруки. Это значило бы разрешить ему пребывание в Москве, где жила В. Д., на это Дурново никоим образом не мог согласиться. Выручил сын Веры Дмитриевны, Владимир Петрович Лебедев, бывший тогда директором Сибирского банка. Он предложил в поручители себя, а свое имение «Бортники» в Зарайском уезде, Рязанской губ., как место пребывания М. Ф. Там, в усадьбе Лебедева, и водворился М. Ф. под неослабным наблюдением двух специально приставленных стражников. Эти последние должны были жить под одной кровлей с бывшим узником Шлиссельбурга. Но неутомимая Вера Дмитриевна добилась у рязанского губернатора, чтобы М. Ф. был избавлен от докучливого соседства: и стражники были поселены не в усадьба, а в деревне. Каждую неделю Вера Дмитриевна приезжала из Москвы к М. Ф., чтобы не оставлять его в унылом одиночестве; она проводила там и все лето, чтобы скрасить однообразную жизнь подневольного жителя деревни. М. Ф. страстно любит свой Кавказ — Вера Дмитриевна выхлопатывает ему разрешение ехать туда для лечения. Там М. Ф. встречается с шлиссельбуржцем М. Р. Поповым, приехавшим из Ростова на Дону, и два любителя землицы строят планы сесть на

землю, которую можно было приобрести с помощью одного богатого человека. Надежды на него, однако, не оправдались, и вскоре мы видим М. Ф. уже за границей, в Ницце и в Париже, в которых он раньше не бывал, так как во всю жизнь не выезжал из России. В Париже, в русской церкви, М. Ф. обвенчался с А. М. Померанцевой, с которой он познакомился на Кавказе. Анна Михайлова по возрасту и по культурной деятельности своей пришлась, как нельзя более, подходящей спутницей жизни Михаила Федоровича.

По выходе из крепости М. Ф. только и думал о том, чтобы остающиеся годы жизни не пропали даром, а пошли на какое-нибудь культурно-просветительное общественное дело. Он задумал устроить школу типа профессионального училища с тем, чтобы школьники проводили лето в занятиях земледелием. На побережьи Черного моря, в Геленджике, М. Ф. купил с помощью друзей клочек земли с небольшим домом; расширил его, развел фруктовый сад и, делая всевозможные сбережения, всячески сокращая собственные потребности, с неослабным упорством стал собирать средства, необходимые для осуществления мечты о школе.

Было что-то трогательное в том, что М. Ф. и его жена мечтали осуществить свое предприятие с помощью ежемесячных рублевых взносов лиц, со-

чувствующих их плану. Сколько раз мне приходилось спорить, доказывать, что маленькие добровольные взносы — ненадежное обеспечение для учреждения, рассчитанного на многие годы и связанного с судьбой детей. Супруги верили, и их вера была непоколебима.

Шли годы — дело не двигалось. Революция 1917 года принесла М. Ф., даже в такой глуши, как Геленджик, искры света и теплоты: шлиссельбургского узника чествовали, как мужественного борца за свободу, а надежды на временное правительство окрылили его. По усиленным хлопотам его жены, министерство земледелия постановило ассигновать 40 тыс. на школу в Ставрополе того типа, который замыслил М. Ф. Октябрьский переворот сделал невозможным получение обещанной суммы. Таким образом, мечта М. Ф., мечта многих лет, осталась неосуществленной.

В последующие годы М. Ф. с женой жил в санаториях Сочи и Анапы. Паралич, разбивший Анну Михайловну, обрушил тяжелое несчастье на М. Ф. В настоящее время, вместе с женой, прикованной к постели, он проживает в Москве в доме ветеранов революции имени Ленина, на Шаболовке. Поправившееся здоровье М. Ф. позволяет ему последний год проявлять изумительную энергию, в форме публичных выступлений, как в Москве, так и в других городах (на юге). Делясь своими

воспоминаниями, он знакомит рабочую и учащуюся молодежь с деятельностью революционных партий 1870—1881 г.г. и вместе с тем выявляет свой собственный образ человека, до конца преданного революционному делу и интересам трудящихся.

Библиотека

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 г. на

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“

52 номера в год (каждый номер размером 32 стр.).

В 1926 г. „Дешевая Библиотека“ будет выходить в увеличенном размере: каждый номер по 32 стр., что составит в год свыше 1600 страниц.

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения, биографии революционных деятелей, а также репрессивной политики самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

ВЫШЛИ:

1—2. **Феликс Кон**—„Пролетариат“. С 26 портрет. 30 к.
3. **Викторовский**—А. И. Ульянов . . . . . 10 к.
4. **Г. Лурье**—А. А. Костюшко-Валюжанич . . 10 к.
5. **Первое мая в тюрьме и ссылке.** Сб. воспомин. 10 к.
6. **Г. Г. Сушкин**—Маевки прошлого. Воспомин. о маевках 1901 и 1902 г. г. . 10 к.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год - 52 номера — 4 р. 50 к.
„ 1/2 года — 26 номеров — 2 р. 50 к.
} с доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.

Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Адрес конторы издательства: Москва, Лубянский пассаж, 32. Телефон 3-64-73.
Склад изданий: книжный склад «Маяк»: Москва, Петровка, 7. Телефон 3-63-20.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 Г.

на журнал

посвященный истории революционного движения в России до падения царизма

8 книг в год **„КАТОРГА и ССЫЛКА“** **8 книг в год**

(Историко-революционный вестник)

Под общей редакцией **В. Д. Виленского-Сибирякова.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ:

М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьмина, Феликса Кона, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужака-Насимовича и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Из истории революционного движения. 2. Каторга, тюрьма, ссылка и эмиграция. 3. Лики отошедших. 4. Библиография. 5. Хроника. Иллюстрации.

Размер каждого номера 16—19 листов, что составит в год свыше 150 листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 1 год (8 книг) — 12 р.; на $^1/_2$ г. (4 кн.) — 6 руб. 50 к.; на 3 мес. (2 книги)—3 руб. 50 коп.

Цена отдельного номера 2 рубля.

Комплект журнала за 1925 год высылается за 13 рублей.

Полных комплектов за предыдущие 1921 — 1924 годы не имеется. Имеющиеся в ограниченном количестве неполные комплекты отпускаются только подписчикам на 1926 год по цене 12 р. 50 к. С пересылкой 14 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Адрес конторы издательства: Москва, Лубянский пассаж, 32. Телефон 3-64-73.
Склад изданий: книжный склад «Маяк»: Москва, Петровка, 7. Телефон 3-63-20.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 Г.

на журнал

посвященный истории революционного движения в России до падения царизма

8 КНИГ В ГОД | **„КАТОРГА и ССЫЛКА“** | **8 КНИГ В ГОД**

(Историко-революционный вестник)

Под общей редакцией **В. Д. Виленского-Сибирякова.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ:

М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьмина, Феликса Кона, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужака-Насимовича и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Из истории революционного движения. 2. Каторга, тюрьма, ссылка и эмиграция. 3. Лики отошедших. 4. Библиография. 5. Хроника. Иллюстрации.

Размер каждого номера 16—19 листов, что составит в год свыше 150 листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 1 год (8 книг) — 12 р.; на $^1/_2$ г. (4 кн.) — 6 руб. 50 к.; на 3 мес. (2 книги)—3 руб. 50 коп.

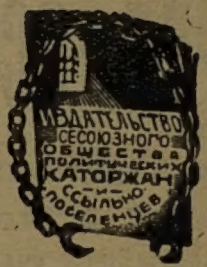
Цена отдельного номера 2 рубля.

Комплект журнала за 1925 год высылается за 13 рублей.

Полных комплектов за предыдущие 1921 — 1924 годы не имеется. Имеющиеся в ограниченном количестве неполные комплекты отпускаются только подписчикам на 1926 год по цене 12 р. 50 к. С пересылкой 14 р.

Цена 12 коп.

19392



ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

Склад изданий: Книжный склад „МАЯК“,
Москва, Петровка, 7, тел. 3-63-20.